

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

9—16 августа 1960 г. в Москве состоялся XXV Международный Конгресс востоковедов. Проблемы истории Византии, ее связи со странами Востока издавна занимают определенное место в программах работы международных съездов ориенталистов. Как и на предыдущих конгрессах, на XXV конгрессе работала секция «Византиноведение и смежные дисциплины». То обстоятельство, что конгресс 1960 г. проходил в нашей стране, еще в прошлом столетии занявшей одно из ведущих мест в изучении истории стран Востока и Византии, не могло не привлечь к участию в его работе крупнейших зарубежных исследователей, а к самому конгрессу — внимания широкого круга ориенталистов и византиноведов.

В работе секции византиноведения приняли участие многие видные ученые из зарубежных стран и большая группа советских византиноведов. Одной из существенных особенностей в работе секции было значительно большее, чем на предыдущих конгрессах, внимание к проблемам внутренней истории Византии и ее связей со странами Востока, что в значительной мере было обусловлено тем, что в конгрессе приняли участие ученые Советского Союза и стран народной демократии, специально посвятившие этим проблемам свои доклады.

Секционные заседания открылись 10 августа вступительным словом руководителя секции Н. В. Пигулевской. Первый доклад был сделан акад. Венгерской Академии наук Д. Моравчиком (Будапешт). В докладе «Византийско-мамлюкские отношения в XV в.» он показал, что в связи с экономическими, политическими и церковными интересами между Византией и Каиром в XV в. происходил частый обмен посольствами. Эти дипломатические отношения, начало которых следует отнести к XIII в., хорошо известны по данным арабских и византийских источников XIII и XIV вв. Что же касается XV в., то до настоящего времени исследователи располагали исключительно скудными данными по этому вопросу. Этот пробел ныне отчасти восполняется греческой грамотой (P. Graec. Pap. 1170), посланной, как показывает ее изучение, мамлюкским султаном Барсбаем византийскому императору Иоанну VIII Палеологу между 1422 и 1438 гг. Из грамоты¹ видно, что Иоанн VIII обратился к султану с просьбой принять во внимание интересы живущих на территории мамлюкского государства христиан, в частности патриарха. Ответ султана, чрезвычайно вежливый и даже несколько льстивый, содержит обещание выполнить просьбу Иоанна VIII. Характер этих переговоров

¹ Ее текст издан Д. Моравчиком (см. ВВ, XVIII, 1961).

становится ясным в свете грамоты султана Малик Насир Хасана (1349 г.) императору Иоанну Кантакузину и грамоты Мануила II Палеолога (1411 г.) султану Фараджу. Обмен посольствами в данном случае был вызван не только заботой о положении христиан. Усилившаяся мощь турок-османов создавала угрозу для обоих государств. В 1432 г. султан Мурад II оказывал давление на Барсбаю в интересах претендента на кипрский престол. Возможно, что общность интересов и породила в Константинополе и в Каире мысль о совместных действиях против общего врага. Во всяком случае грамота султана свидетельствует о том, что вплоть до своего падения Византия осуществляла своего рода моральный протекторат над христианами мамлюкской империи.

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская полностью присоединилась к выводам докладчика о проявлении Византией заинтересованности судьбами христианского населения Востока. Она считает, исходя из данных Михаила Сирийца, что корни этого интереса восходят еще к VII в.

Последующие доклады утреннего заседания проходили под председательством акад. Д. Моравчика.

Доклад С. Дер-Нерсессян (Вашингтон) «Фрески Кахриэ-Джами» ознакомил участников конгресса с результатами работ американских ученых, в частности в экклесионе, являвшемся первоначально усыпальницей. Докладчица подробно описала и проанализировала расчищенные фрески, останавливаясь как на тематике изображений, так и на их стилистических особенностях. Несмотря на кажущееся отсутствие тематической связи между содержанием фресок (сцены из Ветхого завета, богоматерь, святые, гимнографы, сцена страшного суда и т. д.), в действительности, как убедительно доказала С. Дер-Нерсессян, в оформлении чувствуется единый замысел, и все фрески связаны единой темой — темой богоматери. Хорошо продуманное оригинальное оформление, наличие общей темы и высокое мастерство придают фрескам большую ценность.

Выступавшие В. Н. Лазарев и Е. Э. Липшиц согласились с выводами докладчицы. В. Н. Лазарев отметил, что переход к более символической системе живописи характерен для XIV в., и указал на некоторые параллели на Руси. Е. Э. Липшиц обратила внимание С. Дер-Нерсессян на сходство с живописью некоторых памятников Мистры. Д. Моравчик поставил в заслугу докладчице использование литературного материала. Отвечая выступавшим, С. Дер-Нерсессян согласилась с высказанными ими соображениями, но, по ее мнению, самой близкой параллелью к фрескам Кахриэ-Джами все же остаются фрески церкви апостолов в Фес-салонике.

В ряде докладов были подняты проблемы истории борьбы балканских народов против турецкого завоевания. Д. Ангелов (София) выступил с докладом «К вопросу о политике Византии и других балканских государств накануне турецкого завоевания». Докладчик сосредоточил свое внимание на рассмотрении некоторых вопросов политики балканских правительств и прежде всего византийского правительства по отношению к туркам-османам с конца XIII в. по 1352—1354 гг. По мнению Д. Ангелова, имеющиеся данные свидетельствуют о несомненной непоследовательности и противоречивости политики Андроника II в отношении турок. Андроник II не уделял должного внимания проблеме турецкой опасности и только с 1296 г. начал осуществлять политику более или менее активного противодействия туркам. Лишь в конце XIII — начале XIV в. были проведены отдельные мероприятия византийского правительства, показывающие, что византийские феодалы во главе с императором, правда, с некоторым опозданием, начали осознавать значение турецкой опасности и

предпринимать попытки изгнания турок из Малой Азии. Однако своекорыстные классовые интересы помешали им организовать активный отпор туркам. Д. Ангелов отметил, что крестьянское восстание 1262 г. в Византии и восстание Ивайла в Болгарии оказали сильное влияние на настроения господствующего класса Византии, который боялся опираться на народные массы в борьбе с турками. Отсюда несомненное стремление правительства не допустить образования крестьянско-плебейских ополчений. С самого начала борьбы с турками византийское правительство и феодалы всячески противодействовали стремлению народных масс подняться против завоевателей. Они предпочитали в борьбе с турками опираться не на народ, а на наемные отряды.

В правление Андроника III противодействие туркам стало более активным, но оно носило чрезвычайно непоследовательный характер. Андроник сосредоточил свои усилия на организации отпора наступлению турок-османов, но проводил явно близорукую, соглашательскую политику в отношении остальных турецких эмиратов; константинопольское правительство в борьбе против феодальных клик и против генуэзцев само прибегало к помощи отрядов турецких наемников.

Эта политика обусловила широкое привлечение турецких отрядов к участию во внутренней борьбе в Византии в период начавшихся усобиц 1341—1349 гг. Благодаря турецкой помощи самой реакционной группировке византийского феодального класса удалось одержать победу и подавить народное движение. Именно в этот период турки в качестве союзников хорошо ознакомились с положением в Византии и получили необходимую подготовку для вторжения на Балканы.

Насколько позволяют судить источники, в Болгарии и Сербии уже после 1326 г. становится все более популярной идея борьбы против турецкой опасности. Но враждебные отношения этих стран с Византией не способствовали возникновению единства действий в борьбе с турками, тем более что Византия, как и ее противники на Балканах, была не прочь использовать турок в качестве союзников в борьбе со своими соседями. Византия, которой более всего угрожали турки, долгое время, как отмечает докладчик, не могла объединиться против них со своими соседями. Лишь после 1341 г., когда турки стали проникать на сербские земли, местные феодалы стали проявлять беспокойство, и с 1350 г. начинаются усиленные переговоры о совместной борьбе. Но даже в условиях непосредственной опасности противоречия между балканскими странами продолжали оставаться не менее, если не более, сильными, чем их страх перед турками.

В выступлении З. В. Удальцовой по докладу было отмечено его значение для выяснения некоторых аспектов общей проблемы падения Византии, а также необходимость дальнейшей разработки поднятых в докладе проблем, которая должна привести к весьма плодотворным результатам. В частности, З. В. Удальцова подчеркнула важность выявления более четких различий в политике феодальных группировок Византии в 1341—1349 гг. в отношении турок.

Проблеме «Византия и арабы» было посвящено несколько докладов. На том же утреннем заседании Н. В. Пигулевская (Ленинград) выступила с докладом «Арабы у границ Византии в IV в.»² Доклад был посвящен исключительно важному вопросу, решение которого представляет большой интерес как для византинистов, так и для арабистов и иранистов.

² Расширенный текст доклада Н. В. Пигулевской опубликован в вып. 5 (68) «Палестинского сборника» (Л., 1960, стр. 45—65).

В основу доклада была положена написанная набатейскими буквами арабская надпись-эпитафия IV в. из Немеры. Наряду с надписью, которая была подвергнута докладчиком тщательному историческому и филологическому анализу, Н. В. Пигулевская привлекла многочисленные данные, имеющиеся в сочинениях современных латинских, греческих и более поздних арабских писателей.

Как показала Н. В. Пигулевская, Немерская надпись — ценный и правдивый источник, данные которого (в частности дата смерти Амрулькайса) подтверждаются и другими сообщениями. После падения Петры и Пальмиры, в период значительного ослабления Ирана в последней четверти III в. н. э., арабские племена, кочевавшие вдоль границ Римской империи и Ирана, были объединены под властью Амрулькайса ибн Амра ибн Ади из рода Лахмидов из Хирты. Подчинив одни племена, разгромив и изгнав другие, он стал «царем всех арабов» и носил диадему. Сохраняя верховную власть за собой, он «разделил сыновьям племена» при поддержке Персии («Перас») и Рима («Руму»). Этот факт указывает на то, что, хотя Иран и стоит на первом месте, «герой эпитафии действовал, примиряя интересы обеих держав»; таким образом, уже в начале IV в. арабы играли роль своеобразного буфера между Римом и Ираном. В IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Византии и Ирана, как это имело место в последующие столетия, когда они служили в качестве *auxilia* то одной, то другой стороне. Это относится как к Лахмидам, так и к Гасанидам, которых Н. В. Пигулевская определенно идентифицирует с «ассанитскими сарацинами» Аммиана Марцеллина. Находившиеся постоянно в движении воинственные (*bellatores*) арабские племена представляли в это время силу, которой следовало опасаться. «Нам не следовало бы желать иметь арабов ни друзьями, ни врагами», — писал об арабах в IV в. Аммиан Марцеллин. Этим, по мнению В. Н. Пигулевской, и объясняются колебания в политике Рима в его отношениях с арабами. Дальнейшее развитие этих отношений прослеживается докладчицей на материале сведений о сарацинской царице Моавии (70-е годы IV в.). Вторая половина IV в., как показывают данные источников, использованных Н. В. Пигулевской, характеризуются началом христианизации арабов.

Общий вывод доклада таков: «Сближаясь с частью арабских племен, мощные государства Ближнего Востока получили возможность воздействовать на другие кочевые племена, воинственность которых постоянно угрожала их границам. В IV в. лишь намечаются основные линии политики Византийской и Персидской империй по отношению к арабам — политики, осуществленной в V и VI вв.»

По докладу выступил ряд французских ученых — М. Родэнсон, проф. Р. Блашер и др. Отметив стройность аргументации и ценность выводов, сделанных докладчиком, М. Родэнсон напомнил о высказанном в литературе мнении, что слово «фарес» можно переводить также «всадник». В ходе обсуждения было также предложено считать именем собственным слово «*Malacus*» у Аммиана Марцеллина, которое переведено докладчицей как «царь».

Взяв слово для ответа, Н. В. Пигулевская не согласилась с предложенными — и ей хорошо известными — вариантами переводов, так как эти варианты создают большие трудности в понимании текста: если их принять, придется внести изменения в текст самой надписи. Что же касается имени царя — Подозак, то оно дано у Аммиана. Р. Блашер, выступавший после ответа Н. В. Пигулевской, целиком согласился с поло-

жениями докладчицы и с ее толкованием этих терминов, отметив ценность новых выводов, сделанных на основании древнейшей арабской надписи.

Проблеме отношений между Западом и Востоком в их отражении в средневековой западной литературе был посвящен доклад Ж. Ришара (Дижон) «Мода на Восток в западной литературе средних веков». Как показал докладчик, по мере того как Запад все больше приходил в соприкосновение с Востоком, интерес к последнему углублялся, качественно изменялся и распространялся на новые страны и народы.

Как правило, в основе западных литературных произведений, посвященных Востоку, лежат исторические факты (например в «Песне о Роланде» и других поэмах), но они настолько преобразуются и дополняются фантазией их авторов, что перед нами возникают чисто приключенческие произведения с присущими подобного рода литературе чудесами, похищениями и т. д. Деятели Востока принимают в них черты западных рыцарей (например, в цикле о Саладине, которому даже приписывается западное происхождение). В некоторых случаях полностью вымышленные действия переносятся в страны Востока (например, поход Карла Великого в Палестину и т. д.). И Византия, воспринимавшаяся как страна чудес и автоматов, занимала свое место в этой литературе (роман об Александре и тематически связанное с ним письмо пресвитера Иоанна Мануилу Комнину).

Хотя приключенческая литература продолжала развиваться, рядом с ней, начиная с XIII в., появляется новый вид литературы — рассказы путешественников и миссионеров. Разнообразие литературных произведений, посвященных Востоку, большое количество дошедших до нас рукописей и переводов с них на другие языки, прекрасные иллюстрации которыми их украшали, — все это говорит об огромном интересе который вызывал в XI—XIV вв. Восток в самых различных кругах средневекового общества. По мнению докладчика, при тщательном научном анализе востоковеды смогли бы извлечь отдельные весьма ценные свидетельства из этой огромной литературы.

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская выразила пожелание, чтобы докладчик обратил внимание на интерес к Востоку не только среди высших слоев западноевропейского феодального общества, но и среди народных масс. По мнению Н. В. Пигулевской, было бы полезно проделать работу и в «обратном» направлении — выяснить, что знали и думали в это время на Востоке о Западе. В этой связи, в частности, как отметила Н. В. Пигулевская, заслуживают изучения материалы путешествия в XIII—начале XIV в. двух сирийцев (Мар Ябалахи I и Раббан Саумы) из Пекина в Багдад, а затем в Париж и Рим.

Вечернее заседание 10 августа, проходившее под председательством Ф. Фольбаха (Рим), было полностью посвящено проблемам византийского искусства. С докладом на тему «Новонайденные фрески в монастыре на Патмосе» выступил Анастасиос К. Орландос (Афины). После краткого описания монастыря, представляющего собой сооружение крепостного типа с церковью в форме однокупольной базилики с одним нефом, докладчик перешел к анализу вновь открытых фресок, относимых им к XII в. Перечислив обнаруженные фрески, указав их местонахождение и содержание, докладчик подробно остановился на разборе некоторых, особенно интересных по композиции и стилю, фресок: богородицы с младенцем и с архангелами Михаилом и Гавриилом, сретенья, ветхозаветной сцены трапезы Авраама с ангелами. Стиль их исполнения неоднородный: отдельные фигуры даны в сухой, схематичной и сильно стилизованной абстрактной манере, за которой чувствуется глубокий символический

смысл; другие — в пластической, весьма близкой к палеологовскому искусству, трактовке. На материале ряда фресок можно проследить влияние константинопольской школы и установить точки соприкосновения с мозаиками Дафни.

В прениях выступили В. Н. Лазарев и С. Дер-Нерсисян. В. Н. Лазарев предложил датировать фрески концом XII в.

С докладом «Мозаики Большой мечети в Дамаске и мозаики императорского дворца в Константинополе» выступил Д. Тальбот Райс (Эдинбург). Замечательные мозаики Большой мечети в Дамаске, созданные при халифе аль Валиде, издавна считались одним из наиболее ярких примеров сохранения мощных старых сирийских, палестинских и византийских декоративных традиций в арабском мозаичном искусстве VIII в. Однако в последнее время правильность этих выводов стала оспариваться рядом исследователей. В своем полном издании дамасских мозаик Ван-Берхем поставила под сомнение правильность положения старой научной традиции, что эти мозаики были созданы с помощью мастеров, приглашенных из византийской столицы. Сомнения Ван-Берхем основываются на том, что самые ранние тексты, в которых упоминается о деятельности византийских мастеров, относятся ко времени на полтора столетия позже, чем дата завершения мозаик Дамасской мечети (715 г.). На этом основании исследовательница выдвинула предположение, что все следы старых мозаичных традиций можно объяснить участием в создании мозаик одних только сирийских мастеров-христиан и что влияние Константинополя — миф.

Точка зрения Ван-Берхем была поддержана Ж. Лассю, который высказал мнение, что выражение «ремесленники из Рума», содержащееся в сообщении источника о создании мозаик в эту эпоху, могло быть применимо и ко всем ремесленникам-христианам вообще, а не только к мастерам Константинополя.

Эти взгляды в последнее время вызвали возражения Э. Гибба, который указал на существование нового, не учтенного Ван-Берхем и Лассю свидетельства — источника, относящегося к значительно более раннему периоду, близкому ко времени создания мозаик, и подчеркнул несомненно большое значение связей Омейядов с Византией. А. Фролов в обзоре публикации Э. Гибба, присоединился к точке зрения Ван-Берхем, что работа по созданию мозаик была выполнена сирийскими мастерами.

Изучение некоторых мозаичных полов, которые были открыты после публикации Ван-Берхем, дает возможность пролить новый свет на эту проблему.

Мозаичные полы Антиохии показывают постепенно усиливающийся в Сирии с IV до середины VI в. упадок стиля и техники. Мозаики же Большого дворца византийских императоров в Константинополе, которые датируются примерно 550 г., хороши и технически, и по стилю. Они указывают на развитие новой манеры и эстетического вкуса. В них проявляются черты нового византийского стиля.

Так же могут быть охарактеризованы и дамасские мозаики. По мнению докладчика, особенности художественной манеры говорят в пользу тезиса Гибба и предположения, что мастера прибыли из Византии. Сирия одна не была в состоянии обеспечить подобного рода работы в VIII в.

В. Фольбах в своем выступлении поставил вопрос о возможности наличия римских традиций в мозаиках мечети или влияния этих традиций.

С докладом «Приемы линейной стилизации в византийской живописи X—XII вв. и их истоки» выступил В. Н. Лазарев (Москва).

Докладчик убедительно показал, что с конца X — начала XI в. линейная стилизация светов становится господствующей в византийской

живописи, что лучше всего видно на материале миниатюр этого времени. Ее распространение автор объясняет тем, что линия гораздо лучше, чем красочная лепка, была приспособлена для воплощения византийских аскетических идеалов. Во фресковой живописи и мозаиках распространение линейной стилизации начинается в первой половине XI в., и она становится господствующей, как свидетельствуют, в частности, мозаики Чефару, в XII в. В мозаиках и фресках первой половины XI в., как показал докладчик, «еще преобладают укрупненные формы и плоскости, в них еще нет мелочной, графически тонкой разделки поверхности лиц и одеяний». Однако новая манера линейной стилизации начинает прокладывать себе путь по мере нарастания в византийской живописи отвлеченных тенденций. Этот процесс хорошо прослеживается на примере мозаик второй половины XI — первой половины XII в.

Наблюдения автора доклада позволили ему уточнить время исполнения мозаики Софии Константинопольской, украшающей люнетту южного вестибюля (автор, как и Уитмор, считает, что это конец X в.).

Вместе с тем докладчик отмечает, что мастера Равенны, «как все художники периферии Византийской империи, опережали своих столичных собратьев в линейной стилизации лиц, поскольку они были меньше связаны античными живописными традициями. В Константинополе линейная стилизация лиц была сознательной, а на периферии — бессознательным упрощением красочной лепки, приводившим к замене мазка линией. Причем здесь к этой линейной стилизации присоединялась стихийная тяга к разукрашенной форме — влияние народных вкусов».

В Византии во второй половине XII в. линейная стилизация лиц достигает своего полного развития. Наиболее завершенное выражение она, по мнению докладчика, находит во фресках второй половины XII в., где она приобретает утрированный характер и где линия уже как бы отрывается от формы и превращается в часть орнамента. Это был тупик, за которым должен был последовать перелом. К такого рода памятникам относится фрагмент фрески из апсиды церкви Сан-Пьетро в Эболи, росписи Нерези, греческие росписи последней трети XII в.

Эта линейная трактовка светов наиболее широкое распространение получила на Руси (Мирожский монастырь в Пскове, храм в Аркажах и др.). Причины этого автор доклада видит в том, что подобная манера письма «отвечала русским вкусам, тяге русских людей к «узорочью», составляющему неотъемлемую часть всей древнерусской художественной культуры». «В этом, — заключает В. Н. Лазарев, — была своя глубокая внутренняя логика, отразившая своеобразие древнерусского художественного процесса, в котором далеко не все восходило к византийским источникам, а опиралось на старые традиции, сложившиеся еще в далекие языческие времена».

Доклад В. Н. Лазарева вызвал большой интерес и оживленный обмен мнениями.

Доклад Ф. С. Форлати (Венеция) «Новые данные о соборе Сан-Марко в Венеции» ознакомил участников конгресса с осуществлявшимися в течение последних лет реставрационными работами, в частности с реставрацией мозаичного убранства. В результате работ по укреплению и реставрации мозаик был уточнен процесс работы мозаичистов на основе обнаруженных фресковых наметок, служивших эскизами для нанесения мозаики. Доклад имеет большое значение для изучения истории техники мозаичистов.

Прения по докладу коснулись числа накладываемых на стену слоев. Этот на первый взгляд чисто технический вопрос имеет, как указал

В. Н. Лазарев, большое значение для определения принадлежности мастеров к западной или восточной школе, поскольку в отличие от мозаик Сан-Марко, где, по мнению Ф. Форлати, имеются только два слоя, в Византии и на Руси накладывались три слоя.

Утреннее заседание 11 августа проходило под председательством проф. Д. Ангелова (Болгария).

А. Курдян (Уйчита, США) выступил с докладом об армянских переводах и рукописях Антиохийских ассиз, латинские тексты которых не сохранились. Докладчик привел ряд соображений в пользу того, что в период господства крестоносцев Антиохия «получила новую юридическую систему», регулировавшую отношения между новыми хозяевами Антиохии и местным населением. По мнению Курдяна, в каждом из крестоносных государств были свои ассизы, отличия между которыми обуславливались спецификой местных условий каждого из крестоносных государств. К несчастью, Антиохийские ассизы в их первоначальном латинском оригинале не сохранились, и долгое время ничего не было известно об их существовании. Лишь в 1870 г. армянский ученый — монах Hovhannes M'krtian из Константинополя опубликовал в одном из армянских журналов письмо, в котором сообщал, что открыл армянскую рукопись, содержащую различные кодексы. Как выяснилось, эта коллекция гражданских и религиозных законов была скопирована в 1331 г. для армянского царя Льва хорошо известным в то время писцом-иллюминатором Саркисом. В эту рукопись, помимо прочих законов, был включен также и армянский перевод Антиохийских ассиз с 12 статьями об отношениях господ и крепостных, их правах и обязанностях, и с 21 статьей о горожанах. Эта рукопись сохранилась в библиотеке мхитаристов в Венеции.

Другой текст, переведенный до 1261 г., был найден в Эчмиадзине. Оба текста были переведены на русский язык и опубликованы. Анализ этих текстов показывает, что Антиохийские ассизы были составлены в первой половине XIII в., когда была сделана и их первая армянская копия. Как сообщил докладчик, в приобретенной им рукописи 1622 г. он обнаружил другую копию Ассиз, которая является другим переводом с более краткого текста и менее литературно оформлена. По мнению Курдяна, этот перевод является переработкой первоначальных текстов Ассиз применительно к условиям жизни армян Киликии и Антиохийского королевства.

В выступлениях по докладу, в частности в выступлении Н. В. Пигулевской, было отмечено, что исследование Курдяна представляет большой интерес, поскольку изученные им рукописи имеют серьезное значение как для истории крестоносных государств, так и для истории местного населения. В то же время Н. В. Пигулевская подчеркнула необходимость более детального выяснения вопроса о том, какие же отношения отражают рассмотренные докладчиком Ассизы — принесенные с Запада или же главным образом местные.

Проблемам византийского феодализма были посвящены доклады Е. Э. Липшиц (Ленинград) и А. П. Каждана (Москва).

Е. Э. Липшиц прочитала доклад на тему «Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма».

Указав, что проблемы изучения законодательства и права VI—IX вв. стали предметом внимательного изучения в последние годы, Е. Э. Липшиц отметила, что, как правило, памятники византийского права (за исключением Земледельческого закона) рассматриваются исследовате-

лями с чисто юридической или, в лучшем случае, с историко-правовой точки зрения, а не как исторические источники в широком смысле этого слова — источники, восполняющие «некоторые крупные пробелы в наших знаниях о жизни византийского общества в период арабского завоевания восточных провинций и славянской колонизации». В этом отношении, по мнению Е. Э. Липшиц, важнейший материал содержит Эклога, анализ отдельных статей которой и лег в основу доклада.

Изучение законодательства VII—IX вв. показывает, что его основой оставались нормы Юстинианова права, отражавшего «своеобразие процессов развития феодальных отношений на этом раннем этапе» и носившего «отчетливо выступающий в юридических нормах восточный характер». Эти черты не только сохранились в Эклоге, но и получили в ней дальнейшее развитие. По мнению докладчика, П. Зепос уже достаточно убедительно показал, что Эклога представляет собой памятник, в котором значительно резче, чем в остальных, проявилось взаимодействие римского права с восточным. Как полагает Е. Э. Липшиц, в Эклоге имеются положения, которые, «с одной стороны, свидетельствуют об углублении и расширении процессов развития феодализма, с другой — о сохранении той специфики византийского феодализма, которая стала выявляться уже на самых начальных его этапах». Это положение докладчика доказывает на материале титула XII Эклоги об эмфитевсисе и статей о рабстве. XII титул, как полагает Е. Э. Липшиц, рисует картину роста новой военно-феодальной знати и вместе с тем свидетельствует о борьбе центральной власти против усиления этой знати — борьбе, во многом предвосхищавшей аграрную политику императоров Македонской династии. Следовательно, истоки этой политики можно обнаружить уже в начале VIII в. Что же касается законодательства о рабстве, то оно, по мнению докладчицы, убедительно говорит о том, что институт рабства продолжает признаваться нерушимым, как и в VI в., но в то же время оно свидетельствует, что практически рабский труд находил все меньшее применение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле.

Сопоставление Эклоги с Земледельческим законом, как полагает Е. Э. Липшиц, показывает, что «и после VI столетия развитие византийского феодализма осуществлялось в формах, близких к феодализму стран Востока, с характерными для него тенденциями сохранения (наряду с частным крупным феодальным землевладением) форм централизованной эксплуатации крестьянства, номинально «свободного», и распространением как типичной для аграрных отношений формы общинного крестьянского землевладения».

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская подчеркнула важность изучения социально-экономической истории рассматриваемого периода и отметила, что в докладе Е. Э. Липшиц представила лишь часть тех новых выводов, к которым она пришла в результате своих исследований последних лет. Д. Ангелов в своем выступлении говорил о чрезвычайной сложности рассмотренного в докладе вопроса, в решении которого, несмотря на уже длительную его разработку, многое все еще остается неясным. Он также отметил, что тезис Е. Э. Липшиц о том, что в Эклоге ясно ощущается борьба центральной власти против ранней феодализации, может быть подкреплён и известными параллелями из истории Болгарии IX в.

Одному из наиболее сложных и спорных вопросов византийского феодализма был посвящен доклад А. П. Каждана (Москва) «Формы условной собственности в Византии X—XII вв.», где прослеживается существование некоторых форм феодальной собственности в Византии X—XII вв., т. е. еще до латинского завоевания. Автор сосредоточил свое внимание

на анализе четырех основных форм византийской условной земельной собственности этой эпохи: пожалование на срок жизни, харистийкий, прония и арифмос. Отметив важнейшие черты, свидетельствующие об условном характере этих форм собственности, особенно пожалования на срок жизни и харистийкия, А. П. Каждан особо остановился на спорном вопросе о значении термина «прония» в рассматриваемую эпоху.

Источники XI—XII вв. не дают достаточных данных для определения содержания пронии, ее специфики. Такой материал, как считает А. П. Каждан, дает только простагма Михаила VIII Палеолога от 1272 г. и ряд более поздних грамот. Эта грамота позволяет определить пронию как «право на строго ограниченное количество государственных налогов, взимаемых с определенной территории». Условный характер пронии в эту эпоху следует искать не столько в отсутствии наследования пронии, сколько «в установлении нормы ренты, переданной прониару».

Сходный с пронией характер, как полагает докладчик, имел и арифмос — пожалование строго ограниченного числа государственных париков.

По мнению докладчика, специфика условной собственности в Византии X—XII вв. заключалась в том, что она обычно проявлялась «в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей, причем государство пыталось строго контролировать условия передачи». Эта специфика византийской пронии и арифмоса роднит их с восточной мусульманской iqta.

Выступивший в прениях Д. Ангелов (Болгария) отметил, что доклад А. П. Каждана связан с его работами по зарождению феодальных отношений в Византии, и указал, что определение докладчиком содержания пронии расходится с определением Г. А. Острогорского. Д. Ангелов считает правильным более широкое толкование термина прония в эту эпоху, поскольку прония в XIII в. является условным землевладением, связанным с военными обязательствами.

С докладом «Империалистические элементы в крестовых походах» выступил Мухаммед Хусейн Ала (Каир). Автор рассматривал крестовые походы как организованное движение средневекового Запада на Восток в XI—XIII вв., имевшее совершенно определенные экономические, социальные, политические и религиозные причины, и ставил своей задачей вскрыть «материальные» интересы, которые во многом были определяющими в крестовых походах.

В связи с этим докладчик подверг внимательному рассмотрению сложившиеся в западноевропейской историографии точки зрения на причины и цели крестовых походов, особо остановившись на взглядах Тренора Ропера, Арнольда Тойнби, Рене Груссе и др. Автор выразил свое согласие с положением Груссе о том, что крестоносцы были «колонизаторами». Он подчеркнул, что изучение тенденций политики Запада по отношению к Востоку показывает, что захватнические цели, материальные интересы были главными факторами крестовых походов. Докладчик показал, что уже до крестовых походов итальянские торговые республики активизировали свою политику против арабов на суше и на море, развернули военные действия против них. Уже в 1087 г. объединенные силы итальянских городов атаковали Аль Махдиа. После этой блокады генуэзские купцы добились целого ряда торговых привилегий и льготных прав в гаванях Африки. Для итальянских торговых республик крестовые походы явились лишь закономерным продолжением и дальнейшим развитием их политики по отношению к арабам, сложившейся еще до крестовых походов.

Рассматривая интересы крестоносцев на Востоке, автор отметил их весьма заметное отличие от интересов Византии, сказавшееся на ее во-

сточной политике. По мнению докладчика, Византия перед Первым крестовым походом ждала от Запада отрядов наемников, а не полчищ крестоносцев. Автор считает, что в отличие от организаторов и участников крестового похода Византия не стремилась к отвоеванию Сирии, Палестины и Египта, к овладению Иерусалимом, а ограничивала свои внешнеполитические задачи освобождением Малой Азии. Планы же крестоносцев носили широкий захватнический характер. Отсюда и расхождения между крестоносцами и Византией, проводившей менее враждебную политику в отношении Фатимидов. Захватническая политика Запада, как показал уже Первый крестовый поход, угрожала и интересам самой Византии, о чем свидетельствует захват Константинополя в 1204 г.

Далее автор рассмотрел основные черты религиозной, политической и экономической экспансии крестоносцев на Востоке. После неудачного начала политической экспансии организаторы крестовых походов перешли к экономической войне против арабов. Это нашло свое выражение в торговой политике, в попытках добиться перемещения основных торговых путей на Востоке в другие, неарабские страны с целью подрыва арабской торговли.

В заключение автор выразил мнение, что современная империалистическая политика Запада в отношении Египта и арабских стран вообще в известной мере подобна той политике, которую Запад проводил в эпоху крестовых походов.

Выступивший в прениях по докладу А. П. Каждан отметил, что в работах некоторых советских исследователей также достаточно ярко раскрывается захватнический характер крестовых походов, но одновременно в этих работах подчеркивается и вопрос, на который автор доклада совершенно не обратил внимания, — различие целей и интересов народных масс Запада, принявших участие в некоторых походах, и господствующего феодального класса Западной Европы.

И. Ирмшер (Берлин, ГДР) в докладе «Феодор Газа как греческий патриот» ставил перед собой задачу положить начало изучению мировоззрения представителей греческой образованности в Италии эпохи Возрождения. В то время как некоторые греческие ученые считают представителей греческой образованности в Италии предателями православной веры, отождествляемой с понятием нации, западные исследователи явно переоценивают их влияние на Возрождение.

В основе доклада И. Ирмшера лежит изучение деятельности и литературного и научного творчества Федора Газы. Последний не предпринимал никаких практических шагов для возвращения на родину и, по-видимому, придерживался свойственной гуманистам точки зрения: «Где ученый выбирает место для жительства, там и его родина». Газа не был последователем в своих политических взглядах. Он то ратовал за унию и призывал итальянских князей объединиться для борьбы против турок, то осуждал эмигрантов-греков за употребление латинского языка и посвящал свое произведение «*Laudatio canis*» султану Мехмеду II, оправдывая турецкое владычество.

Но он никогда не забывал своего отечества, и хотя его творчество принадлежит литературе гуманизма, оно является в то же время составной частью и византийской культуры, значение которой для Возрождения нельзя недооценивать.

В ходе обсуждения доклада А. П. Кажданом был поставлен вопрос об отношении Федора Газы к византийским императорам. И. Ирмшер ответил, что ни в одном из его произведений он не нашел каких-либо оценок Газой императорской власти в Византии или отдельных императоров.

Вечернее заседание проходило под председательством А. Бёлига (Галле, ГДР).

Имре Тренчени-Вальдапфель (Будапешт) выступил с докладом «Миф о золотом веке и его восточные корни». Докладчик показал, что восточное учение о «веках» в истории человечества впервые появляется в греческой литературе у Гесиода, выразившего в этом мифе классовые идеи беотийского крестьянства, их чаяния и надежду на лучшее будущее, связанное с возвращением золотого века после крушения мира в конце железного. Элементы «золотого века» сохранились по Гесиоду, на отождествляемых им с Италией «блаженных островах» в период правления бога Кроноса, что помогает нам понять корни римских *saturnia tellus*.

Пророчества Бакида, которые можно восстановить по пародийной обработке Аристофана, и прорицания Сивиллы представляют другое, независимое от Гесиода предание о золотом веке. Уже Писистрат пользовался символом золотого века для идеологического обоснования своего правления. Злоупотребляли им также во время Пелопоннесской войны и сторонники военной партии.

Феокрит создал на основе фольклорных мотивов свою XVI идиллию, а в XIX идиллии при описании золотого века воспользовался мифом о Геракле, отразившим новые восточные влияния.

Выступивший в прениях А. Бёлиг, отметив большой интерес доклада, высказал пожелание, чтобы докладчик обратил внимание не только на основной литературно-философский мотив, но и на историческую обстановку, под влиянием которой изменялась трактовка золотого века. Кроме того, А. Бёлиг обратил внимание на несомненный интерес, который может представить проведение четкой грани между эсхатологией и системой развития миров, как она отразилась у Гесиода. В ответном слове И. Тренчени-Вальдапфель указал, что, по его мнению, в историческом развитии этой темы можно различить три этапа — «архаика, эллинизм и Римская империя».

Теме борьбы балканских народов против турецкого завоевания в начале XV в. был посвящен доклад болгарского исследователя П. Х. Петрова «Антитурецкая коалиция балканских стран в начале XV в.». В центре внимания докладчика — письмо венгерского короля Сигизмунда бургундскому герцогу Филиппу от 24 апреля 1404 г. Используя полный текст письма, содержащийся в Хронике Жана Брандона, и данные болгарских, сербских, венгерских и валахских источников, автор восстановил историю возникновения и деятельности сложившейся в эти годы антитурецкой коалиции, о существовании которой почти не было известно в литературе.

В начале XV в., когда после битвы под Анкарой в Турции начались смуты и создалась благоприятная обстановка для свержения власти турок на Балканах, здесь в конце 1403 г. была организована коалиция из болгар, влахов, венгров, сербов и боснийцев, во главе которой стал Сигизмунд. Формирование этой коалиции, как показал Петров, несмотря на благоприятную общую политическую обстановку, проходило с большими трудностями при наличии острых противоречий, а Сигизмунд только стечением обстоятельств, помимо своей воли, оказался во главе коалиции. В конце 1403 г. на Балканах сложилось два враждебных лагеря. В первый вошли Сигизмунд, Стефан Лазаревич, Остоя — король Боснии и валахский воевода Мирчо. В другом лагере оказались турки, неаполитанский король и папская курия, Георгий Бранкович, а также большая часть боснийских феодалов.

Данные источников свидетельствуют о том, что уже в конце 1403 г. действия коалиции против турок и их балканских союзников развернулись на широком фронте от устья Дуная до Далмации. Насколько позволил скудный материал. Петров выявил сильные и слабые стороны коалиции. В частности, несомненно, что одной из сильных сторон коалиции была связь ее действий с движением в покоренных турками областях Балкан. Рассматривая развернувшиеся антитурецкие движения, докладчик приходит к выводу, что в начале XV в. борьба против турок на Балканском полуострове развертывалась в основном по двум линиям — во-первых, в форме гайдуцкого движения и, во-вторых, в виде восстаний, возглавлявшихся представителями старой местной феодальной знати.

Оценивая деятельность коалиции, П. Х. Петров считает, что опыт создания этой, хотя и быстро распавшейся, коалиции подсказывал руководителям балканских стран пути организации борьбы против турок. Однако, оказавшись не в состоянии подняться над своими личными и местными интересами, они не смогли в полной мере воспользоваться междоусобицей в Турции.

Г. Л. Курбатов (Ленинград) выступил с докладом «Термин $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов». Докладчик отмечает, что в последнее время становится все более очевидным, что в научной литературе предшествующих лет явно переоценивались генетические связи византийских димов с античными, эллинистическими демами, преемственность в их развитии; иногда даже доходили до известного уподобления димов и демов. Истоки непосредственного происхождения византийских димов V—VII вв. следует прежде всего искать в эволюции важнейших явлений социальной и политической жизни восточноримского города в IV в. Поэтому докладчик считает, что изучение содержания терминов « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » — « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » в источниках IV в. и выявление эволюции этого содержания — один из путей решения вопроса о происхождении византийских димов. Поскольку политическая жизнь восточноримского города IV в. наиболее глубоко раскрывается в произведениях Либания (на материале Антиохии, в дальнейшем одного из крупнейших центров борьбы партий), автор считает, что изучение содержания термина «демос» у Либания имеет особенно важное значение.

Отметив, что в условиях переходной эпохи, ломки общественных и политических отношений чрезвычайно трудно говорить о строго определенном содержании тех или иных терминов, докладчик, тем не менее, считает возможным выявить основное содержание этих терминов у Либания и известные тенденции их эволюции.

Продолжая работу, начатую М. Я. Сюзюмовым, и детально проанализировав содержание терминов « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » — « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » в произведениях Либания, докладчик подтверждает мнение М. Я. Сюзюмова, что в IV в. эти термины не употреблялись в значении каких-либо политических или территориальных единиц внутри города. В пределах города «демос» выступает у Либания как единое целое. Либаний никогда не употреблял термин « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » при характеристике политической жизни внутри одного города. Изучение употребления этого термина показывает, по мнению Г. Л. Курбатова, что у Либания он имеет значение «народы городов», но в пределах каждого города у Либания выступает лишь единый «демос». Анализ употребления Либанием формулы «курия и народ» и взаимоотношений между курией и демосом приводит автора к выводу, что в течение IV в. еще продолжало сохраняться известное политическое единство курии и демоса. Но обострение противоречий между курией и демосом во второй половине — конце IV в. привело к распаду этого единства,

заставило городское население искать новые формы защиты своих интересов по мере упадка полисного строя. С этим и связаны образование группировок-партий и распад политически объединенного вокруг курии демоса на «*δῆμος*», а соответственно и появления термина «*δῆμοι*» в источниках при описании политических событий внутри одного города.

Выступив в прениях по докладу, З. В. Удальцова отметила, что автор, продолжая разработку проблемы византийских димов вслед за А. П. Дьяконовым, Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко и М. Я. Сюзюмовым, смог подойти к проблеме возникновения димов под новым и представляющим значительный интерес углом зрения. Постановка этого вопроса на материале данных одного автора, наиболее детально освещающего внутреннюю жизнь города на протяжении многих десятилетий, вполне обоснована и закономерна. Но хотелось бы, чтобы в дальнейшем были привлечены и данные других источников IV в. В то же время З. В. Удальцова обратила внимание на важность продолжения работы над уточнением социального состава складывающихся группировок-партий и классовых интересов входивших в них различных прослоек народных масс города.

Н. В. Пигулевская и С. Г. Каухчишвили отметили убедительность точки зрения автора. С. Г. Каухчишвили подчеркнул, однако, необходимость при дальнейшей разработке этой проблемы более четко выявить восточную специфику в процессе развития политической жизни восточноримского города и ее влияние на образование партий цирка в Византии.

Выступая с заключительным словом, Г. Л. Курбатов отметил, что рассмотренные в докладе данные свидетельствуют, по его мнению, о разложении рабовладельческого города, упадке его муниципального строя и самоуправления.

Важные вопросы внутренней истории, проблемы перехода от рабовладения к феодализму и развития феодальных отношений в Византии были подняты в ряде докладов.

З. В. Удальцова (Москва) посвятила свой доклад «Некоторые данные византийских папирусов VI—VII вв. о формах землевладения и положении рабов и колонов» важнейшим вопросам, связанным с переходом от рабовладения к феодализму. На материале латинских папирусов византийской Италии, еще недостаточно изученных с точки зрения выяснения эволюции социально-экономических отношений, докладчик четко обрисовал основные тенденции развития социальных отношений в Италии VI—VII вв. Центральное место в докладе заняли вопросы эволюции форм землевладения, изменения положения непосредственных производителей — рабов и колонов.

По данным равеннских папирусов, в VI—VII вв. в византийской Италии происходит интенсивный рост крупного землевладения, главным образом церковного. Изучение автором сведений о социальном положении дарителей земельных имуществ церкви показало, что крупное церковное землевладение росло не только за счет мелкого и среднего, но в значительной мере и за счет крупного светского землевладения. От роста церковного землевладения отставало светское крупное землевладение. Значительный интерес представляют и наблюдения автора над этническим составом дарителей, который, с одной стороны, свидетельствует об усилении землевладения византийской аристократии в Италии, а с другой — о сохранении в ней значительной прослойки крупных и средних землевладельцев варварского, главным образом остготского, происхождения.

Особый интерес представляют наблюдения З. В. Удальцовой относительно роли рабского труда и эволюции положения рабов. Данные равенских папирусов содержат сведения о значительном числе рабов в крупных имениях. Рабы использовались на различных сельскохозяйственных работах.

Материалы, относящиеся к Италии после византийского завоевания, свидетельствуют о возрастании хозяйственной связи раба с пекулием, об увеличении числа рабов, посаженных на землю, о более широком использовании господских рабов в качестве подсобных работников в хозяйстве колонов, т. е. о явлениях, которые говорят об окончательном упадке латифундиального рабства.

Среди приведенных докладчиком данных о составе наделов колонов и их повинностях представляют интерес сведения о развитии барщины и о ее размерах (три дня в неделю). Рассмотренные докладчиком данные равенских папирусов показывают, что, несмотря на значительную пестроту и изменчивость различных категорий зависимого сельского населения Италии после византийского завоевания, все явственнее вырисовывается основная тенденция социально-экономического развития этого времени, выразившаяся в сближении положений различных категорий крестьянства, в их нивелировке, связанной с установлением феодальной зависимости.

Выступивший в прениях проф. Д. Ангелов (Болгария) отметил значительный интерес выводов З. В. Удальцовой. Их ценность заключается, по его мнению, в том, что они основаны на конкретном материале договоров, позволивших автору доклада проследить конкретные проявления нивелировки положения непосредственных производителей в VI—VII вв. В связи с этим Д. Ангелов остановился на вопросе о положении в эту эпоху свободных колонов и адскриптициев, отметив, что вопрос о том, насколько стерлись в рассматриваемую эпоху грани между этими двумя важнейшими категориями сельского зависимого населения, имеет решающее значение. В связи с этим Д. Ангелов задал докладчице вопрос, позволяют ли рассмотренные ею папирусы засвидетельствовать стирание граней, сближение между этими группами. В ответном слове З. В. Удальцова отметила, что материалы равенских папирусов не содержат точных данных, позволяющих говорить о полном исчезновении категории свободных колонов, но можно говорить о тенденции к их нивелировке с адскриптициями.

На устроенном заседании 12 августа, проходившем под председательством С. Г. Каухчишвили (Тбилиси), с докладом «Рукописные сокровища монастыря св. Екатерины на Синае» выступил Кеннет Уиллис Кларк (Дурхэм, США). Докладчик кратко изложил историю образования и развития библиотеки этого крупного хранилища византийских и восточных рукописей, характеристику состава рукописных фондов, историю их изучения и сообщил о состоянии библиотеки в настоящее время. Для советских историков большой интерес представляла та часть доклада американского ученого, в которой он рассказал об истории разработки рукописных фондов монастыря русскими учеными, и данные о грузинских и армянских рукописях. Докладчику было задано много вопросов о составе рукописных фондов, об отдельных, в частности полиглотных, рукописях, их каталогах, организации хранения и т. д. Выступавшие по докладу отметили большой интерес сообщения Кларка и подняли вопрос об издании некоторых рукописей монастыря, представляющих особый научный интерес. Председествовавший на заседании С. Г. Каухчишвили в своем выступлении говорил о необходимости контакта между учеными,

работающими над рукописными фондами, и, в частности, о значении обмена микрофильмами рукописей.

С докладом «О некоторых приемах оформления византийских рукописей» выступила на том же заседании Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Докладчица коснулась проблем и задач византийской кодикологии. Кодикология, как отметила Е. Э. Гранстрем, «видя в средневековой рукописи памятник средневековой культуры, изучает ее как единое целое», пытаясь установить не только взаимосвязь и взаимозависимость отдельных особенностей рукописи (материал, текст, письмо, оформление и т. д.), но и ее происхождение, принадлежность к определенной средневековой библиотеке. Такое всестороннее изучение «не только расширяет наши сведения по истории византийской образованности, но может дать и известное представление о производстве книги в Византийской империи».

Е. Э. Гранстрем подвергла тщательному рассмотрению два основных момента оформления рукописей: письмо и специальные знаки и значки. Большой рукописный материал был проанализирован докладчицей в историческом аспекте и приведен в строгую систему. По существу, доклад Гранстрем явился своего рода сжатым руководством по изучению византийских рукописей. Докладчица пришла к выводу, что господствующий взгляд на византийские рукописи как на однообразные памятники не только ошибочен, но и вреден, поскольку он «нередко мешает видеть в них те присущие отдельным кодексам особенности, которыми они отличаются друг от друга», в частности, например, отличие между рукописной книгой, выполненной писцом-профессионалом на заказ, и сборником, составленным его владельцем для научных или учебных целей. Комплексный анализ рукописей, принимающий во внимание не только содержание и письмо, но и наличие схолий, глосс, значков, манеру разлиновки и т. д., не только помогает исследователям в классификации рукописей и изучении различных приемов их оформления писцами, учеными и учащимися, но и побуждает к пересмотру некоторых традиционных точек зрения, в частности общепринятого деления истории минускульного письма на три четко разграниченных периода, а также широко распространенного представления, что книжный курсив встречается только с начала XIII в. Поскольку книжный курсив и смешанный минускул появляются и существуют почти одновременно с чистым минускулом, Е. Э. Гранстрем считает возможным рассматривать последний как «каллиграфический образец, а книжный курсив и смешанный минускул — как отклонения от этого образца, зависящие от содержания и назначения текста».

Выступившая по докладу Р. Шмерлинг (Тбилиси) указала, что выводы доклада имеют большое значение не только для византийской кодикологии, но и для родственных дисциплин, в частности для изучения грузинских рукописей.

В своем докладе «О работе над коптскими манихейскими текстами» А. Бёлиг (Галле, ГДР) доложил секции о состоянии рукописей ценнейшей манихейской библиотеки из Мединет Мади и о мерах, которые принимаются и должны быть приняты для их полного издания. В первой части своего доклада А. Бёлиг изложил историю находки в 1930 г. Карлом Шмидтом части этих рукописей в Каире, приобретения этой библиотеки Берлинским музеем, известным английским коллекционером Честером Битти и Австрийской национальной библиотекой, рассказал о работе по консервации рукописей и их частичному изданию (В Германии — Г. Я. Полоцким, затем А. Бёлигом, в Англии — К. Р. К. Оллберри) и сообщил о судьбе каждой из частей собрания в годы второй мировой войны. Вторая часть доклада А. Бёлига была посвящена характеристике

современного состояния собрания. Докладчик дал подробное раздельное (по месту хранения — Берлин, Геттинген, Англия) описание рукописей и перечислил те мероприятия, которые необходимо осуществить для обеспечения сохранности оставшихся рукописей и их быстреего издания. А. Бёлиг также сообщил, что Берлинской академией принято решение об издании берлинской части собрания.

В связи с этим А. Бёлиг остановился на научном значении публикации рукописей этой библиотеки, которая состоит из писем Мани, книги псалмов, Kerphalaia, Проповедей, Исторической книги, Logoí и неидентифицированного текста. Эти рукописи, составлявшие, по мнению докладчика, библиотеку катехумена, можно разделить на канонические и полуканонические (с точки зрения Мани). Издание этих текстов наряду с публикацией обнаруженной в 1946 г. гностической библиотеки в Наг Хаммади дало бы возможность исследователям создать «опирающуюся на прочную источниковедческую базу историю гностицизма».

Доклад А. Бёлига вызвал оживленные прения. К. Кольпе рассказал о состоянии геттингенской части собрания. Р. Ибшер обратил внимание на печальный факт порчи папирусов, содержащих некоторые манихейские тексты, и необходимость принятия срочных мер для их консервации. В частности, Р. Ибшер сообщил об опасности, угрожающей английской части собрания, в котором некоторые рукописи подверглись только временной консервации. Он подчеркнул, что немедленная надежная консервация этих папирусов и быстреее их издание — неотложная задача.

В связи с выявившейся необходимостью принятия срочных мер для сохранения коллекции и издания текстов манихейских папирусов С. Г. Каухчишвили внес предложение обратиться к Берлинской Академии наук с просьбой ускорить издание берлинской части коллекции. А. Бёлиг, И. Ирмшер, К. Кольпе предложили адресовать резолюцию Конгресса по этому вопросу ко всем организациям и лицам, в ведении которых находится вся коллекция, т. е. Берлинской Академии наук, уже приступившей к решению этой задачи, «Немецкому исследовательскому сообществу в Геттингене» и владельцам английской части собрания.

С докладом «О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.)» выступил Р. М. Бартикян (Ереван). Докладчик отметил, что до последнего времени завещание Воилы не привлекало внимания арменоведов и грузиноведов, поскольку в завещании не было конкретного указания на местонахождение имений Воилы, а исследователи локализовали их в Каппадокии, Антиохийской феме, районе Эдессы. Для локализации владений Воилы большое значение имела памятная записка монаха Феодула, писца завещания, содержащаяся в том же пергаменном кодексе Парижской национальной библиотеки. Однако неправильное чтение этой записи запутало вопрос о локализации. Изучая микрофильм записи, автор пришел к выводу, что упоминаемый в ней магистр Василий был дукой Иверии, а следовательно, и владения Воилы были расположены в этом районе, в области Тайк и Кларджия. К такому же выводу пришел и греческий византист Сперос Врионис на основании изучения названия одного из принадлежавших Воиле селений. Автору доклада с помощью материалов грузинских надписей и жития св. Григория Хандзтийского удалось локализовать еще ряд селений Воилы, что еще раз подтверждает правильность вывода о расположении имений Евстафия в Тайке и Кларджии.

В связи с этим завещание приобретает особое значение для изучения истории Грузии и Армении в эпоху византийского владычества. Самый

факт получения Воилой одиннадцати селений в этих областях, по мнению докладчика, убедительно свидетельствует о том, что византийское правительство проводило политику переселения византийских феодалов на армянские и грузинские земли. Некоторые данные этого завещания говорят и о том, что эта политика византийского правительства встречала сопротивление со стороны местных феодалов. В еще большей мере византийской агрессии противостояли народные массы Армении и Грузии. В связи с этим автор отмечает, что С. Врионис слишком буквально понимает ряд сведений Воилы; в частности, он в прямом смысле воспринимает его упоминание о том, что местность, которую получил во владение Евстафий, была «обиталищем змей, скорпионов и диких зверей». Указания армянских и грузинских источников, по мнению автора, дают основания понимать это несколько иначе.

В армянских и грузинских источниках этого времени так нередко назывались еретики товдракцы, ересь которых «имела не только классовый характер, но и носила черты оводобительной борьбы армянского народа против иноземных захватчиков вообще и против византийских в особенности». При таком понимании становится вполне понятным оставшееся совершенно не объясненным Врионисом сообщение Воилы о том, что он «огнем и мечом уничтожил этих змей, скорпионов и диких зверей, превратил в золу их обиталища».

Кроме того, завещание Воилы свидетельствует, что среди армян было распространено монофизитство.

Значительный интерес представил и анализ содержащихся в завещании данных о рабах и использовании рабского труда в хозяйстве Воилы. В заключение Р. М. Бартикян отмечает ряд проблем в области изучения языка, истории искусства, исторической географии, возникающих перед исследователями завещания Воилы, которое должно стать предметом внимательного изучения не только византинистов, но и арменоведов и грузиноведов.

Утреннее заседание 15 августа было посвящено истории и филологии Южной Аравии. Председательствовал А. Бёлиг (Галле, ГДР).

Проблеме датировки большой группы южноарабских надписей и анализу рисуемых в них социальных отношений в государстве мукаррибов Саба посвятил свой доклад А. Г. Лундин (Ленинград). Докладчик предложил свой метод изучения этих надписей путем группировки безусловно связанных между собой и относящихся явно к одной эпохе надписей. Используя этот метод, докладчик избрал предметом своего рассмотрения надписи Йада'ила Зариха сына Сумху'алай, наиболее известного из мукаррибов Саба, несомненно относящиеся именно к этому мукаррибу, поскольку не было мукаррибов другого времени с этим именем. Обосновав правильность своих выводов о одновременности группы надписей с его именем, установив палеографические и эпиграфические особенности, объединяющие их, докладчик рассмотрел содержание надписей, которые в своей совокупности дают некоторые представления о круге деятельности мукаррибов и их функциях. По мнению докладчика, все рассмотренные им данные надписей о деятельности мукаррибов Саба позволяют рассматривать их как институт, «основанный на родоплеменной организации» (во всяком случае генетически), который обладал, с одной стороны, хозяйственными функциями: постройка ирригационных сооружений, строительство зданий (в том числе храмов), а с другой стороны — функциями сакрального характера: ритуальные церемонии, посвященные Астару (жертвоприношения всех видов, ритуальная охота и т. д.).

Такой же характер носили и функции других мукаррибов. Но рассмотренная группа надписей не говорит ни о какой «политической деятельности» данного мукарриба. Надписи же, относящиеся к другим мукаррибам, иногда представляют собой их декреты и говорят об установлении поборов, податей; но отсутствие в них упоминания титула мукарриб свидетельствует, что эти функции, во всяком случае первоначально, находились вне обычного круга деятельности мукаррибов.

По докладу А. Г. Лундина среди присутствующих на заседании арабистов развернулись оживленные прения. А. Бистон (Оксфорд) отметил большой интерес поставленных автором доклада вопросов и положительно оценил методику его исследования. Фильби (Лондон) заявил, что предлагаемая Лундиным датировка этой группы надписей представляется ему весьма убедительной в плане палеографического изучения тактов надписей.

С докладом «О начале Химьяритской эры» выступил А. Кавар (Лос-Анжелос, США). Докладчик уточнял ряд датировок арабских надписей путем сопоставления содержащихся в них сведений с датированными данными в византийских источниках, прежде всего у Прокопия, сообщающего об обмене посольствами между Византией и арабами. Тщательно проанализировав сведения Прокопия об этих посольствах, докладчик попытался более точно датировать каждое из них. В частности, на основании анализа данных Прокопия Кавар уточнил характер отношений между Византией и Абрахой и отверг датировку Ж. Рикманса, относящего заключение военного союза между Абрахой и Византией к 547 г. По мнению Кавара, его следует датировать 549 г.

Вокруг доклада Кавара развернулись оживленные прения — главным образом по вопросу оценки характера посольств, поскольку в основном на этом базировались некоторые датировки докладчика. Справедливость ряда его критериев датировки была поставлена под сомнение некоторыми из выступавших.

Вопрос о неарабских топонимических названиях в центральной Южной Аравии был рассмотрен в докладе Ч. Д. Метьюза (Дахран, Саудовская Аравия). В связи с отсутствием автора доклад был зачитан Ч. Рендзом (Эдинбург). Автор подробно разбирает вопрос о живых диалектах древних южноарабских языков, продолжающих бытовать на юге Аравийского полуострова, и выделяет четыре таких диалекта: махри (и близкий ему соқотри), шахри (ранее неправильно называвшийся шхаури), харсуси и батхари, указывая географическое распространение каждого из них. Основное место в докладе занимает перечень топонимических названий Южной Аравии, восходящих к указанным диалектам и дающих интересный лингвистический и картографический материал.

Ввиду отсутствия автора прения по докладу не проводились.

Вечернее заседание 15 августа, проходившее под председательством В. Н. Лазарева (Москва), было посвящено проблемам византийского искусства. Первым был прочитан доклад А. В. Банк (Ленинград) «Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв.». Доклад вновь привлек внимание участников конгресса к широко дебатующемуся с начала нашего века вопросу о генезисе, традициях и специфике византийского искусства — к тому, что с момента появления в 1900 г. нашумевшей книги И. Стжиговского принято условно называть «Orient oder Rom». Усиленно занимавшийся в 20-х годах этой проблемой А. Грабар пришел к заключению, что несомненно существовавшая связь с мусульманским искусством проявляется, как и следовало ожидать, не в религиозном, а в светском искусстве, что свойственный периоду так

называемого «Македонского возрождения» процесс «ориентализации» был связан со вкусами константинопольских придворных кругов.

В докладе А. В. Банк поставила перед собой задачу показать на основе анализа двух опубликованных ею эрмитажных серебряных сосудов, что «связи с Востоком получили отражение во вкусах не только этих общественных кругов (т. е. придворных. — Г. К. И. Ф.), но и в искусстве, связанном с более широкими социальными слоями». Широко привлекая византийские и восточные материалы с родственными темами, техническими и стилистическими особенностями, докладчица доказала, что речь идет о «сосуществовании византийских и восточных элементов» и что рассмотренные ею предметы «соприкасаются и с другими памятниками, происхождение которых пока не установлено». Это и побудило А. В. Банк выдвинуть при первичной публикации гипотезу о производстве сосудов в Восточной Европе. В заключение А. В. Банк, ставя вопрос, «не имеем ли мы здесь дело с провинциальным искусством Византии», высказала предположение, что в результате перенесения ориентализации придворного искусства на предметы более массового распространения, а также, возможно, в силу непосредственного воздействия Востока на искусство византийских провинций, произошло органическое слияние восточных элементов с византийской основой, что и придало Византии то «восточное лицо», которое она «имела во всех явлениях своей социально-экономической, политической и культурной жизни».

Выступивший по докладу Д. Тальбот Райс отметил сложность вопроса, который, по его мнению, можно только поставить, но на который пока трудно ответить. На взгляд английского ученого, следует говорить не о связи, а о взаимосвязи и взаимодействии византийского и восточного искусства. В качестве подтверждения он провел параллель между фигурами воинов эрмитажного сосуда из Тарту и так называемой Моссульской группы фатимидского времени. Что же касается параллели с Венецией, которой коснулась докладчица, то в этом искусстве он видит влияние не константинопольского, а балканского, вероятнее всего, фессалоникского, искусства. С. Дер-Нерсессян привела в качестве параллели к изображенным на сосудах темам рукописи с Синая и фрагмент фигуры из Константинополя. А. В. Банк, поблагодарив Д. Тальбот Райса и С. Дер-Нерсессян за дополнения, не согласилась с первым в отношении Моссульской группы, которая, по ее мнению, отличается как по стилю, так и по технике от рассмотренного ею сосуда.

Краткое информационное сообщение «О фресках церкви Св. Софии в Константинополе» сделал Д. Тальбот Райс. Речь шла о начатой недавно расчистке фресок в находящейся почти за городом квадратной с куполом церкви Св. Софии, которой в свое время занимались русские исследователи Ф. И. Успенский, М. В. Алпатов, Н. И. Брунов. Твердый и толстый слой штукатурки, которой были покрыты фрески, чрезвычайно затруднил работу, и фрески сильно пострадали. Сюжеты их несколько необычны, но расположены по общепринятой схеме. Время построения церкви относится к середине XIII в., что же касается фресок, то вследствие их близости к сербским фрескам XIII в. и к фрескам Мистры они должны быть, по мнению докладчика, датированы концом XIII — началом XIV в. Взявший слово В. Н. Лазарев обратил внимание на некоторые особенности изображения апостолов на фресках. По его мнению, фрески относятся к XIII в. и представляют допалеологовское искусство.

После сообщения Д. Тальбот Райса секция приступила к обсуждению вопроса о международном сотрудничестве и принятию соответствующих резолюций.

И. Ирмшер внес на обсуждение проект резолюции по вопросу об издании коптских манихейских текстов. В этой резолюции секция выражает пожелание, чтобы Берлинская Академия наук довела до успешного конца возобновленное ею издание этих текстов, а сэр Честер Битти и «Немецкое исследовательское сообщество в Геттингене» завершили работу над консервацией остальной части текстов и приняли меры к их быстрейшему изданию.

Д. Моравчик предложил принять резолюцию, в которой отмечается, что, поскольку единственные имеющиеся в распоряжении византинистов словари Дюканжа и Софоклиса устарели, назрела потребность во всеобъемлющем научном словаре позднеантичного и средневекового греческого языка, который отразил бы не только язык литературных памятников, но и все богатство народного творчества, и социально-экономическую терминологию разнообразнейших исторических памятников. Принимая во внимание, что подобная задача не под силу отдельному лицу или даже научному коллективу, Конгресс обращается к международной научной общественности с просьбой принять участие в этой работе.

Н. В. Пигулевская горячо поддержала обе резолюции, которые были приняты единогласно, а затем, на следующий день, также единогласно утверждены на пленарном заседании Конгресса.

Закрывая последнее заседание секции, В. Н. Лазарев подвел краткие итоги ее работы и выразил благодарность всем докладчикам, организаторам, участникам — всем тем, кто помог своим трудом успешной работе секции.

Работа секции протекала в деловой дружественной обстановке. Обсуждение ряда важных проблем истории Византии и смежных с нею стран, несомненно, сыграет положительную роль в дальнейшей разработке этих проблем. Встреча византинистов разных стран в немалой степени способствовала заметному укреплению научных и дружественных связей.

Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман
